

МЕНОВЩИКОВ Г. А.

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Эскимосско-алеутские языки, как и истории духовной и материальной культуры их носителей — эскимосов и алеутов, привлекают все большее внимание исследователей в области гуманитарных наук — лингвистов, этнографов, археологов, искусствоведов в Советском Союзе и ряде зарубежных стран. Этот интерес ученых обусловлен не только особенностями строя языков и историей развития культуры эскимосов и алеутов, но и историей заселения человеком субарктической и арктической зоны на стыке крайнего северо-востока Азии и Северной Америки.

Современные данные археологии, этнографии и языкознания позволяют предполагать, что протоэскимосы и протоалеуты в доисторическое время до миграции их в Северную Америку представляли собою союз генетически родственных племен, обитавших по соседству в регионе северо-восточной Азии, и вели преимущественно континентальный образ жизни охотников на сухопутного зверя и рыболовов. Эти племена находились в непосредственном и длительном языковом и культурном контакте, что нашло отражение как в сходстве важнейших сторон строя их языков, так и в области материальной и духовной культуры.

Новейшие изыскания в области археологии, антропологии, этнографии и геологии, относящиеся ко времени и месту образования древних культур на стыке Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки, проведенные советскими и зарубежными учеными, свидетельствуют о том, что около 8—10 тыс. лет тому назад через Берингов пролив на Аляску и Алеутские острова из Северной Азии произошла миграция племен протоэскимосов и протоалеутов, положивших начало создания двух приморских палеолитических культур в условиях субарктического климата [1—6]. Первым эшелонем, как полагают, продвигались протоалеуты, занявшие островные земли с более умеренным климатом в регионе юго-западной Аляски и Алеутских островов. За ними непосредственно следовали протоэскимосы, занявшие земли и острова на Аляске по побережью Бристольского залива и Берингова пролива, а также на прилегающих к Аляске и проливу островах Нунивак, Сивукак (Лаврентия) и других. Именно здесь, на стыке Северной Азии и Северной Америки, произошло разделение двух родственных по языку и культуре племен и создание ими различающихся по формам и способам занятий уникальных культур субарктических и арктических охотников на морского зверя. Это различие в материальной культуре, а также утрата тесных языковых контактов из-за территориальной удаленности одного племени от другого с течением веков привели к таким изменениям в строе эскимосского и алеутского языков, которые сделали невозможным взаимопонимание эскимосов и алеутов.

Археологические исследования советских и американских ученых на местах древних алеутских стоянок Анангула и Чулака и эскимосских Коцебу, Нортон, острова Врангеля и др. свидетельствуют, что древняя алеутская культура формировалась на Алеутских островах, а эскимосская — на побережье Аляски, прилегающих к ней островах и Азиатском берегу Берингова пролива [7].

Лексика эскимосского и алеутского языков показывает, что все названия морских животных, являвшихся основными объектами занятий

эскимосов и алеутов, а также названия предметов и орудий морского промысла, понятий, связанных с приморским образом жизни, у этих племен совершенно не совпадают. Имеющаяся в эскимосско-алеутских языках общность в звуковом составе (три основных гласных *a*, *y*, *u*, наличие увуляризации согласных *k'*, *x'*, *g'*, сонанта *n'* и ряд других общих фонетических признаков), в морфологической структуре слова (суффиксальная агглютинация с частичным совпадением по структуре и значению морфем словоизменения и словообразования, особенно — общности личных форм глагола и притяжательных форм имени) и совсем незначительные совпадения в базисной лексике указывают на отдаленное их генетическое родство. Разительные различия в корнеслове эскимосско-алеутских языков позволяют также считать, что как протоэскимосы, так и протоалеуты (последние — особенно!) еще в континентальный период своего существования и в последующий за ним период миграций могли полностью или частично ассимилировать какие-то более малочисленные иноязычные палеоазиатские племена и адаптировать по моделям грамматического строя своего языка значительную часть их лексики [8].

Сопоставление глагольных и именных парадигм эскимосского (любого из его диалектов) и алеутского языков показывает, что алеутский язык не развил или же утратил многие черты строя протоэскимосско-алеутского языка, в то время как протоэскимосский язык, объединявший близкородственные языки инутик и юпик со всеми их территориально раздробленными диалектами, продолжал развиваться в условиях образованной этими племенами приморской культуры [8].

Из сказанного следует, что грамматический строй современных эскимосского и алеутского языков складывался, развивался и изменялся в условиях изолированного существования первоначально двух родственных этносов, что исторически подтверждается и условиями становления их обособленных приморских культур [3, 5].

Понятие «эскимосский язык», о чем свидетельствует сопоставительное изучение его многочисленных территориально-диалектных подразделений, оказывается в значительной степени условным, поскольку единого эскимосского языка, на котором могло бы общаться большинство его носителей, не существует. В действительности имеется общеэскимосская языковая семья, состоящая из двух основных близкородственных языков — юпик и инутик (от основ *юк* и *инук* «человек» и суф. *-тик*, придающего именам значения «настоящий, действительный»). На языке юпик говорят эскимосы Чукотского побережья (СССР), островов Лаврентия и Нунавук (США) и Аляски, а на языке инутик — эскимосы Гренландии, Канады и частично Аляски. Оба этих языка включают более 25 диалектов, часть из них в результате длительного изолированного развития фактически превратилась в отдельные эскимосские языки, статус которых подтверждается также рядом этнокультурных признаков и этническим самосознанием их носителей.

На наличие трех эскимосских диалектов на азиатском побережье Берингова пролива впервые указали в конце XIX в. русские этнографы Н. Л. Гондатти и В. Ф. Миллер. Эти диалекты были названы ими унынским (*ун'азиг'мит*. — М. Г.), науканским (*нывук'аг'мит*. — М. Г.) и вутээнским (*сиг'ыныг'мит*) [9, 10]. В начале XX в. этнограф В. Г. Богораз подтвердил мнение своих предшественников и пополнил их краткие междиалектные лексические соответствия словарными, текстовыми и фономорфологическими соответствиями [11].

Азиатскую группу юпик составляют два языка — старосиренинский и чаплинско-науканский, при этом внутри последнего выделяются два территориально обособленных диалекта: чаплинский (*ун'азиг'мит*) и науканский (*нывук'аг'мит*). На чаплинском диалекте говорит также эскимосское население американского о-ва Лаврентия, расположенного поблизости от м. Чаплина (СССР).

Аляскинская группа юпик состоит из двух больших диалектных подразделений: тихоокеанский юпик (иначе — алютик) и центрально-аляскинский юпик. Первая включает диалекты кадьякский и чугачский, вто-

рая — собственно центрально-алаяскинский юпик, нунаваский диалект, диалект зал. Хупер (иначе — чевакский) и диалект Нортон. Центральное-алаяскинский юпик в свою очередь включает три говора — кускоквинумский, юконский, нушагагский.

Диалекты и языки группы юпик сами по себе представляют довольно сложный конгломерат, они находятся друг к другу в различной степени близости. Между отдельными диалектами и языками юпик прослеживаются значительные расхождения на разных уровнях строя, образовавшиеся как в результате скрещивания, так и по причинам длительного автономного развития [12].

Среди азиатских подразделений языка юпик особое место занимает язык сиреникских эскимосов, который по признакам кардинальных строевых отличий от других диалектов в области лексики, грамматики и частично фонетики приобрел статус отдельного языка, поскольку произошедшие в нем изменения привели к взаимному непониманию между его носителями и носителями других двух азиатских диалектов — чаплинского и науканского. Сиреникцы до начала XX в. находились в относительной территориальной изоляции от других групп эскимосов. Их непосредственными соседями по территории и хозяйственно-культурным контактам были иноязычные чукчи-оленьеводы. По многолетним наблюдениям автора данной статьи (1932—1970 гг.) сиреникцы осознавали себя как особый этнос, несмотря на их малочисленность [13].

Иллюстрацией межъязыковых различий могут служить следующие предложения с аналогичным содержанием:

чапл. д.	<i>Аг'нук' укишик'ук' аткуямь'</i>
сирен. яз.	<i>Плссых' илх'тык'ыг'тых' мыцкхымын'</i> «Женщина шьет платье»
чапл. д.	<i>Упын'амып' кыпль'а ыс'игатпка илнкл</i>
сирен. яз.	<i>Пулъыг'аг'зып' ныл'ысыман'ытыпка иланыка</i> «С весны не-видел-я-их друзей-моих»
чапл. д.	<i>Тэг'нух'ак ак'умзак'ук' амикун</i>
сирен. яз.	<i>Тан'ах' ман'ух'сыг'ацык'ых'тых' амикын</i> «Ребенок сидит на шкуре»

Как видно, из девяти сопоставленных слов в составе трех простейших предложений только два слова оказались однокоренными, при этом все глагольные слова, являющиеся предикативным и смысловым ядром предложения, не совпали не только по корнеслову, но и по морфологическому строению.

Отсутствие в языке сиреникцев в сопоставлении с другими диалектами юпик грамматической категории двойственного числа, структурные различия в падежной системе, в способах морфологического строения глагольных словоформ, в наличии фонемы [ц] и гортанного смыка [ʔ], отсутствующих в других диалектах, значительные различия в лексике, осознание своей этнической и культурной обособленности — все это в совокупности дает основание относить его к самостоятельным языкам [13].

Сиреникцы и чаплинцы (до полной ассимиляции сиреникского языка в 1930—1930 гг.) при общении между собою использовали или чаплинский диалект, или же иносистемный чукотский язык, который был языком-посредником между чукчами и азиатскими эскимосами, включая чаплинцев и науканцев. Сиреникцы, оказавшиеся в окружении русских, чукчей и эскимосов-чаплинцев, стали интенсивно утрачивать родной язык. Так, в начале XX в. на языке сиреникцев говорило около 100 человек, в 30-х годах — 60—70 человек, в 1954 г. нами зарегистрировано только 30 человек, говорящих на этом языке, в 1965 — 20 человек, а в 1980 — всего 5 человек. Молодое поколение сиреникцев в результате смешения с иноязычным населением языками общения избрало язык чаплинских эскимосов и русский язык.

Судьба языка сиреникцев сложилась таким образом, что носители его в древнейший период дробления эскимосского племени юпиков оказались, возможно, в абсолютной изоляции от других групп своего племени,

которая продолжалась много столетий, и попали в окружение какого-то (а возможно, и не одного) иноязычного палеоазиатского племени, язык которого не сохранился. После этого они снова стали соседствовать со своими одноязычными соплеменниками и с иноязычными чукчами. Чукотский язык оказывал длительное влияние на изменение лексики языка сиреникцев.

Грамматический строй исчезавшего на наших глазах сиреникского языка, частично его лексика и образцы устной речи (в основном — фольклорные тексты) были своевременно зафиксированы и частично опубликованы в 60-е годы [13].

Чаплинский диалект, принятый в начале 30-х годов за основу письменного, по грамматическому строю и лексическому составу близок не науканскому диалекту, а языку эскимосов о-ва Лаврентия (США), с которыми чаплинцы находились в постоянных контактах с древнейших времен вплоть до 30-х годов XX в. На материале чаплинского диалекта, являющегося основным средством общения советских эскимосов, выполнено большинство исследований по грамматике и лексике эскимосского языка [14—16].

Науканский диалект по грамматическому строю и лексике, с одной стороны, близок юпикским диалектам, с другой — инупикским, обе группы носителей которых обитают на Аляске и примыкающих к ней островах. Старинное селение Наукан до 1958 г. находилась на мысе Дежнева в Беринговом проливе и объединяло восемь общин эскимосов этого этноса. Науканцы издревле контактировали как с юпиками, так и с инупиками Аляски. Вместе с тем на Чукотском берегу их соседями были иноязычные береговые и оленные чукчи. Таким образом, науканцы находились в своеобразном лингвистическом окружении, что оказывало воздействие на частичные изменения в грамматике и лексике их языка. О языке этого междиалектного подразделения до начала 50-х годов имелись лишь отрывочные сведения в виде кратких списков слов и одного маленького текста [41].

С 1948 по 1971 г. язык науканцев, на котором говорило около 200 человек, всесторонне обследовался нами в полевых условиях. Было записано более 50 фольклорных текстов, словарь на несколько тыс. слов, фразеология, парадигмы имен и глаголов. На основе этого материала выполнено монографическое описание строя языка науканцев с приложением словаря и транскрибированных текстов [15]. В связи с тем, что эскимосы этой общины были переселены из Наукана в ряд соседних поселков с чукотским и русским населением, их язык стал постепенно изменяться и утрачиваться под иноязычным воздействием.

В 1948 г. в районе Берингова пролива нами был зафиксирован один из диалектов эскимосского языка группы инутик, носители которого проживали на островах Ратманова (Имак'лик' или Большой Диомид, СССР) и Крузенштерна (Ин'алик' или Малый Диомид, США) [15].

Диалекты и языки эскимосской ветви инутик (иначе — инуит) распространены в Северной Аляске, Канаде и Гренландии.

Язык инутиков Аляски включает следующие диалекты: диалект мыса Барроу, диалект зал. Коцебу, диалект п-ва Сьюард и диалект эскимосов Берингова пролива, живущих на м. принца Уэльского и на о-ве Крузенштерна.

Язык инутиков Канады (иначе — инуктитут) включает следующие близкородственные диалекты: диалект эскимосов Лабрадора, диалект центральных эскимосов, объединяющий три поддиалекта — иглулик, нетсилик и карибу, диалект Баффиновой земли, диалект Коппер и диалект Маккензи.

Язык эскимосов-инутиков Гренландии (иначе — гренландский язык) сформировался как письменный на базе западногренландского диалекта. На этом языке проводится обучение в эскимосских школах, ведутся радиопередачи, издаются книги, журналы, газеты. Кроме письменного языка выделяются еще два диалекта — восточногренландский и диалект Туле [12].

Диалектное дробление эскимосского языка племени инуирик затрудняет свободное взаимопонимание далеко отстоящих друг от друга маргинальных групп инуириков Гренландии, Канады и Аляски. Языковому контактированию различных островных групп племени инуирик мешает также и разноречивость в письменности, отсутствие единой системы алфавитов. Так, например, эскимосы-инуирики разных территорий Канады пользуются двумя видами письменности — на латинской основе и на силлабической. В свою очередь латинский алфавит и правила орфографии гренландских инуириков значительно отличаются от алфавита и орфографии канадских и аляскинских инуириков. Все это тормозит процесс консолидации раздробленных групп некогда единого этноса.

Родственные по языку, материальной и духовной культуре племена юирик и инуирик длительное время обитали совместно на единой территории в регионе Берингоморья. В эскимосском языке той поры возникло множество общих для юириков и инуириков слов, относящихся к названиям объектов и предметов морского промысла. Общей в своей массе сохранилась и базисная лексика, образовавшаяся в языке еще в континентальный период жизни этих племен. Позднее юирики и инуирики стали постепенно распадаться на отдельные территориальные группы. Юирики расселились преимущественно в регионе Берингова пролива и на тихоокеанском побережье Аляски, а инуирики в своем большинстве мигрировали на северные земли Канады и Гренландии. Начало этой миграции археологами и антропологами исчисляется примерно в 2,5—3 тыс. лет от нашего времени, когда единая для этих племен приморская культура достигла своего высокого развития [1—7].

Вместе с тем имеющиеся различия в строе языков юирик и инуирик, которые касаются в основном глагольной лексики, частично парадигматики именных и глагольных частей речи, а также изменения, относящиеся к фонеморфологической структуре слова, указывают на то, что эти два родственные племена еще в континентальный период их существования тесно контактировали и в то же время сохраняли особенности своих племенных диалектов.

Часть изолированных территориальных групп племени юирик обосновалась на побережье Чукотского п-ва. При этом не исключается, что происходили и двусторонние миграции на ту или другую сторону пролива. На последнее обстоятельство указывает, например, то, что в топонимике чукотского побережья и в мифологии азиатских эскимосов (юирик) сохранились инуирические названия, а в языке эскимосов о-ва Лаврентия (США) — иноязычные чукотские слова. Хозяйственные и культурные контакты между отдельными родственными и неродственными племенами в регионе Берингова пролива сохранялись вплоть до начала XX в.

В настоящее время общая численность эскимосов составляет около 97 тыс. человек, из них проживает на Аляске (около 30 тыс.), в Канаде около 18 тыс.), в Гренландии (около 47 тыс.), в СССР (около 1200 чел.).

Отдаленно родственные эскимосам по языку и культуре алеуты расселены на Алеутских (США) и Командорских (СССР) островах. В США их численность примерно 2000 человек (точных данных нет), в СССР — 300 человек.

Алеутский язык объединяет три диалекта: уналашкинский (восточный), аттовский (западный) и аткинский. До 1942 г. на уналашкинском диалекте говорили алеуты п-ва Аляска и островов Уналашка, Умнак, Акутан, Св. Георгия и Св. Павла. На аттовском — алеуты о-ва Атту и о-ва Медного (СССР), а на аткинском — алеуты о-ва Атка и о-ва Беринга (СССР). Американские алеуты в 1942 г. были переселены с островов Алеутской гряды на острова Адмиралтейства. Алеуты Командорских островов — Медного и Беринга — в 1826 г. были завезены Российско-Американской компанией с Алеутских островов Атка и Атту. В настоящее время советские алеуты проживают на о-ве Беринга совместно с русским населением. Язык командорских алеутов в течение последнего столетия интенсивно ассимилируется русским языком, по данным 1982 г. на нем говорило не более 20 человек старшего поколения.

В начале XX в., почти через 70 лет после И. Е. Вениаминова, изучение языка и культуры алеутов продолжил русский ученый В. И. Иохельсон. Его труды в значительной мере пополнили наши знания о фонотических и строевых особенностях алеутского языка [17, 18]. Работы по алеутскому языку И. Е. Вениаминова и В. И. Иохельсона явились базой для его дальнейшего изучения рядом зарубежных ученых, среди которых следует назвать имена Х. К. Бакмейстера, Ф. Боаса, К. Бергсланда, Д. П. Хаддингтона, Н. Марша, Е. Рансома, М. Краусса, Р. Х. Джасигана и алеута М. Диркса [19, разд. II, Aleut]. Особую научную ценность представляют труды К. Бергсланда, посвященные различным разделам лексики, фономорфологии и грамматики алеутского языка [20—22 и др.].

Исследования по языку алеутов в нашей стране были возобновлены в Секторе палеоазиатских и самодийских языков Института языкознания АН СССР в 1963 г. и продолжают в настоящее время [23—25].

Эскимосско-алеутская семья языков не обнаруживает прямого генетического родства ни с одним языком мира. На основании генеалогической классификации языков коренного населения Сибирского Севера, проведенной Л. И. Шренком в конце XIX — начале XX в., эскимосско-алеутские языки по признакам географической и этнической изолированности были отнесены к так называемым палеоазиатским языкам. Попытки ряда лингвистов (Х. К. Уленбека, В. Талбитцера, А. Саваджо, Л. Хаммериха, К. Бергсланда, М. Сводеша) установить генетическое родство эскимосско-алеутских языков с иносистемными палеоазиатскими, урало-алтайскими или даже индоевропейскими языками носили поисковый характер и не дали положительных результатов [26].

Грамматический строй алеутского языка впервые был описан выдающимся русским просветителем на Алеутских островах И. Е. Вениаминовым в 40-х годах XIX в. Его книга «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка», а также труды по истории и культуре алеутов и других аборигенов Русской Америки имели огромное влияние на развитие гуманитарных наук в России, посвященных изучению этого региона [27, 28], И. Е. Вениаминову первому принадлежит указание на отдаленное генетическое родство эскимосского и алеутского языков, которое в наше время неоднократно было подтверждено исследованиями ряда отечественных и зарубежных ученых. В книге «Замечания о колошенском и кадыякском языках...» И. Е. Вениаминов говорит об общих чертах грамматического строя уналашкинского (алеутского) и кадыякского (эскимосского) языков. К кадыякскому языку он относит эскимосские диалекты Берингова пролива, которые в то время по географической соотнесенности и неизученности мореплавателями и этнографами относились к так называемому «языку сидячих чукчей». При И. Е. Вениаминове термин «eskimoue» не вошел еще в научную литературу и «сидячими чукчами» наряду с береговыми чукчами называли также эскимосов островов Берингова пролива и побережья Чукотки [29] ¹.

Эскимосско-алеутское языкознание как научная дисциплина стало складываться только с середины XIX в., хотя первые сведения о грамматическом строе эскимосского (по другому названию — гренландского) языка в сопоставлении с датским и латинским были представлены датским миссионером в Гренландии П. Егеде еще в середине XVIII в. и его преемником О. Фабрициусом в начале XIX в. [30—32].

К тому же времени относятся первые отрывочные сведения о языках коренного населения Аляски и Алеутских островов — алеутском, эскимосском, североиндейских, представленные русскими мореплавателями и землепроходцами, открывшими и присоединившими к России северо-западные земли Америки [14].

¹ Этноним *eskimoue* образовался и вошел в научную литературу, а затем и в общее употребление в XIX в. Происходит этот этноним от североиндейского слова *esquimaou* «сыроед». У этих же эскимосов никакого общего самоназвания не было. Племенные этнонимы *ипуик* и *ипулик* означают «настоящий человек». Каждая территориальная группа эскимосов называет себя по месту жительства, что совпадает часто и с названием диалекта, ср.: *ныукаг'мит* «наукацы», *сиг'вынгмит* «сиреницы» и т. п.

В XIX и начале XX вв. эскимосско-алеутские языки становятся объектом исследования уже широкого круга русских, западноевропейских и американских лингвистов. Среди них особое место занимают И. Е. Вениаминов, С. Клейншмидт, Ф. Барнум, В. Талбитцер, В. И. Йохельсон, В. Г. Богораз, Ф. Боас, Г. В. Шульц-Лоренцен, К. Расмуссен, Д. Дженнесс, М. Сводеш, Л. Хаммерих, которые создают серию трудов по различным разделам грамматического строя и лексических особенностей эскимосских и алеутских диалектов [19].

Эскимосско-алеутское языкознание занимает ныне по праву важное место как в палеоазиатоведении, так и в общем языкознании, привлекая внимание исследователей языков различных типов особенностями своего агглютинативно-полисинтетического строя.

Известно, что исследования в области эскимосско-алеутских языков проводятся в Дании, Канаде, США, Норвегии, Франции, Японии и частично в других странах. Из наиболее известных научных центров в этой области можно назвать Центр по изучению языков аборигенного населения Аляски при Аляскинском университете, Департамент антропологии Университета Лаваль в Канаде, Институт эскимологии при Датском университете, ряд филологических институтов и кафедр при некоторых университетах в США (Чикаго, Огайо и др.). В числе известных исследователей эскимосско-алеутских языков второй половины текущего века следует назвать таких, как К. Бергсланд (Норвегия), Л. Каплан, С. Якобсон, М. Краусс, Г. Марш, Р. Х. Джогиган, Д. Ринсом (США), Й. Ришел (Дания), Л. Шнейдер (Канада), О. Мияока, М. Опима (Япония) и ряд других, в той или иной степени занимавшихся или продолжающих заниматься изучением общих или частных вопросов строя языков этой семьи [19].

Особенности морфологии и синтаксиса малоизученных языков агглютинативно-синтетического типа привлекли в первой половине XX в. пристальное внимание лингвистов, исследующих флективные языки индоевропейской семьи. В своих работах по сравнительно-историческому синтаксису и морфологической типологии они стали анализировать материалы эскимосско-алеутских языков по источникам названных выше авторов. Так, материалы этих языков первыми в индоевропеистике широко использовали Х. К. Уленбек, Н. Ф. Финк, а за ними и ряд современных лингвистов, работающих над проблемами выражения субъектно-объектных отношений и структурных типов предложений, особенно — эргативных в языках различного типа [33].

В монографических работах по описанию грамматического строя языков азиатских эскимосов, выполненных в период с 1960 по 1980 г., показано, что в них отсутствует основослоложение и флективная морфология, а все словоформы конструируются посредством агглютинации корневых морфем с суффиксами основообразования и словоизменения. Эскимосские именные и глагольные словоформы объединяются в стройные моносемичные системы склонения и спряжения. В эскимосских языках отсутствуют грамматические категории рода или классов слов, нет и категории одушевленности—неодушевленности. Однако в них наличествуют категории числа (ед., дв., мн.), падежа, притяжательности (принадлежности лица или предмета другому лицу или предмету), лица и числа субъекта и объекта в глагольных словоформах. Субъектное или субъектно-объектное оформление глагола, выступающего в функции предикативного ядра предложения, оказывает влияние на образование двух основных синтаксических конструкций предложения — абсолютной и эргативной, противопоставляемых внутри эргативного строя языка. В эскимосских языках от любого глагола образуются его вторичные формы — деепричастия, означающие в составе предложения сопутствующее действие, зависимое от главного действия. Особенностью этих глагольных образований является то, что они, как и финитные формы глагола, изменяются в обязательном порядке по лицам и числам субъектного и субъектно-объектного спряжения. Таким образом, категория лица и числа пронизывает всю систему именных и глагольных словоформ.

Такие категории языка, как темпоральность, модальность, аспектуальность, каузальность, локативность, количественные и качественные оценки действия, в эскимосских языках выражаются преимущественно синтетическим способом путем присоединения к производящей основе слова соответствующих суффиксов [14].

В эскимосских языках, как и в любых других языках, имеется различие между именными и глагольными разрядами слов. Такие имена, как *аг'нак'* «женщина», *кайн'а* «медведь», *к'уйн'ик'* «олень», *йук* «человек», *хван'а* «я», *тана* «этот», *иг'ивгак'* «вчерашний день», *ны* «место», и любые другие в зависимости от употребления в акте речи могут выполнять как собственно номинативные, так и предикативные функции. В первом случае они принимают формы падежа, числа и притяжательности, во втором — все формы, присущие глаголу, как-то: лицо, число, время, транзитивность — интранзитивность, аспектуальность, наклонение, формы производных глаголов — деепричастия и причастия. На эти особенности образования глагольных словоформ от именных основ предметной, дейктической, пространственно-временной и пр. семантики, указывают, например, словоформы, извлеченные из фольклорных текстов чаплинского диалекта, зафиксированных в полевых условиях, ср.:

Кайн'анг'итун'а, *аг'нагун'а* «Не-медведица-есть-я, женщина-есть-я» (отыменные глаголы от основ *кайн'а* «медведь» и *аг'нак'* «женщина», где суф. *-н'и* — отрицание, суффиксы *-ту*, *-гу* — глагольные преобразователи, суф. *-н'а* — 1-е л. ед. ч. субъекта);

Туг'ныг'анг'итун'а, *йупигун'а*, *Укивагмин'ун'а* «Не-дух-есть-я, человек-настоящий-есть-я, укивакская-есть-я» (отыменные глаголы от основ *туг'ныг'ак'* «дух», *йупик* «настоящий человек», *Укивак* — назв. селения).

Отыменные глаголы могут выражать лексико-грамматические значения императивности, модальности, локативности, переходности, каузативности, разные степени аспектуальности, качественно-количественные оценки и другие категориальные аспекты глагола, ср.:

К'уйн'ин'льа! «Оленя-сделай!» (императив), *Куйн'иг'йух'тун'а* «Оленины-хочу-я» (модальность), *К'уйн'их'тух'льапихтыфтут* «С-большим-множеством-олений-оказались-они» (количественность, модальность, временная соотнесенность); *К'уйн'их'тун'г'ата* «Со-множеством-олений будучи-они» (деепричастная форма от отыменного глагола); *К'уйн'иг'йа-малг'ит* «За-оленими-поехали-они» (суф. *-йа* придает глагольным словам значение движения куда-л. с целью);

Хван'а «я»: *Хван'ан'инах'ах'лык'ун'а* «Я-совсем-одиношенькой-буду-я» (аспектуальность, субъективная оценочность, время, наклонение, лицо); *Таван'инак'* *хван'ан'инанг'итун'а*, *анын'алгун'а* «Только я-неодна-я, брата-имею-я» (отрицание, обладание, наклонение, время, лицо);

Ны «место»: *Ныминитак'ыфтук'* «На-месте-своем-оказывается-была-она» (локативность, модальность, наклонение, время, лицо);

Иг'ивгак' «вчерашний день»: *Иг'ивганимнан'уфтук'* «Вчерашний-оказывается-был-он» (временная соотнесенность, модальность и др.);

Кина «кто»: *Кинан'узин?* «Кто-есть-ты?» (вопросительность);

Укамнан (и.с.ж.): *Укамнатн'узин?* «Укамнан-ли-есть-ты?» (вопросительность);

Ак'ылг'ак' «гость»: *Ак'ылг'ак'льамкын!* «Гостем-будь-моим-ты» (субъектно-объектная форма отыменного глагола в императиве), *Малмылын* (и.с.м.): *Малмылын'улгак'!* «Малмылыном-пусть-будет-он!» (императив от имени собственного);

Мьсун'исагыт уксуми аман'вак'ут «Касатки зимою волками-становятся» (от *ама* «волк», *аман'вак'ут* «волками-становятся» — имитация);

Таван'йнак' *улг'аг'ух'тыпыгыснамалг'и* «Вот-ведь сивучем-напрасно стала-она» (от основы *улг'ак'* «сивуч» — отыменный глагол модальной семантики) и т. д.

Приведенные извлечения из текстов, реально отражающих многообразные аспекты эскимосского слово- и формообразования, свидетельствуют о том, что различные категориальные структуры, образуемые оты-

мощными глаголами, по функциональным признакам не отличаются от таких же категориальных структур собственно глагольных (Verba finitum) образований. В этом смысле, исключая чисто лексическую семантику производящих именных основ, между двумя типами эскимосских глаголов нет оппозитивных грамматических различий: те и другие изменяются по всем глагольным формам и образуют сопоставимые структуры предложения. При данных обстоятельствах граница между именем и глаголом оказывается колеблющейся.

От глагольных основ свободно образуются отглагольные имена, ср.: *к'ыпх'а* — «работать», *к'ыпх'ан'* «работа», *к'ыпх'ал'ык'* «процесс работы», *к'ыпх'аг'вик* «место работы», *к'ыпх'ах'та* «рабочий», *к'ыпх'асик'* «орудие работы» и т. д.

Между тем имя любого разряда сохраняет свой номинативный статус во всех ситуациях речи, когда оно выполняет свою исконную синтаксическую функцию подлежащего, прямого или косвенного дополнения. Имя в назывной функции занимает свое устойчивое место в словаре, как и глагольное слово.

Подобные принципы образования словоформ присущи всем без исключения эскимосско-алеутским языкам, что может быть наиболее наглядно показано в сопоставительных исследованиях различных лексико-грамматических разрядов слов как в диалектах группы юпик, так и группы инупик эскимосского языка.

В нашем отечественном языкознании факты эскимосско-алеутских языков из работ В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона (наряду с фактами самодийских и чукотско-камчатских языков) в своих фундаментальных исследованиях по общим проблемам языкознания широко использовал выдающийся советский языковед И. И. Мещанинов, всесторонне аргументировавший особенности способов выражения субъектно-объектных отношений и типы различных структур предложения (особенно — эргативного) как в эскимосско-алеутских, так и в других палеоазиатских языках [34].

В Советском Союзе эскимосско-алеутское языкознание на широкой научной основе стало развиваться в послевоенный период. В Институте языкознания АН СССР был создан Сектор языков народов Севера (позднее Сектор палеоазиатских и самодийских языков). Инициатором и создателем этого Сектора был акад. И. И. Мещанинов.

В Секторе палеоазиатских и самодийских языков с этого периода проводятся всесторонние исследования эскимосско-алеутских языков и диалектов как Советского, так и Американского Севера. Достаточно сказать, что с начала 50-х годов по настоящее время на первых порах двумя, а затем тремя научными сотрудниками Сектора выполнено около двухсот работ в виде монографий, словарей, очерков, статей, посвященных как общим, так и частным вопросам строя этих языков (см. указатели литературы в [8, 12]). В этот же период проводились лингвистические экспедиции в районы обитания советских эскимосов и алеутов. Собран значительный по своему объему полевой материал, включающий фольклорные и бытовые тексты, фразеологию, парадигмы именных и глагольных частей речи, сравнительную диалектную лексику. Особенно большую научную ценность представляют полевые записи, проведенные в 40-е — 60-е годы. От носителей языка старшего поколения в этот период были записаны уникальные тексты традиционного повествовательного фольклора (мифы, сказки, героические сказания, бытовые рассказы), знание которого почти не сохранилось у молодого поколения.

На основе полевого материала сотрудниками сектора изданы такие работы, как «Грамматика языка азиатских эскимосов», «Язык сиреникских эскимосов» (ныне ассимилированный чаплинским диалектом), «Язык науканских эскимосов», «Язык эскимосов Берингова пролива», академический «Эскимосско-русский словарь» [35], «Материалы по языку и фольклору эскимосов» [36], грамматические очерки по эскимосско-алеутским языкам в 5-м томе энциклопедии «Языки народов СССР», книга «Классы глаголов в эскимосском языке» [37] и ряд других работ.

Следует сказать, что эмпирический период развития эскимосско-алеутского языкознания, период накопления полевых записей и их первичной классификации с самого начала исследований тесным образом увязывался с необходимостью теоретического осмысления языкового материала и установлением грамматических парадигм. Создание так называемых «описательных грамматик», двуязычных словарей и других типов исследований не могло происходить без учета общих теоретических оснований, вытекающих из реальных и присущих этим языкам фонетических и грамматических закономерностей.

Сотрудниками Сектора в настоящее время подготовлены, а Ученым советом ЛО ИЯ АН СССР утверждены к изданию два больших труда: «Материалы и исследования по языку науканских эскимосов» и «Материалы и исследования по языку чаплинских эскимосов». В них включаются транскрибированные тексты традиционного повествовательного фольклора азиатских эскимосов с переводами, отражающими особенности морфологической структуры слова и типов предложения, а также комментарии лингвистического, этнографического и фольклористического характера. Опубликование этих трудов даст ценный материал для широких филологических исследований в области эскимосско-алеутского языкознания и смежных с ним дисциплин — этнографии и фольклористики.

Завершена работа по теме «Синтаксис простого предложения» на материале чаплинского диалекта языка азиатских эскимосов. Это специальное исследование по эскимосскому синтаксису выполнено впервые.

В области научных изысканий перед сотрудниками Сектора палеоазиатских языков выдвигаются такие актуальные проблемы, как сопоставительные исследования грамматического строя эскимосских диалектов группы юпик, а в последующий период сопоставление их с диалектами группы инупик и алеутским языком. Сотрудники Сектора — специалисты по эскимосско-алеутским языкам — будут также участвовать в коллективных теоретических работах, посвященных общим проблемам социолингвистики, связи языка и мышления, вопросам билингвизма, аспектологии, лексикологии.

Одной из важных и безотлагательных задач остается дальнейшая полевая фиксация языкового материала азиатских диалектов эскимосского языка, особенно разобщенного по частям науканского диалекта, а также материала интенсивно ассимилируемого русским языком и исчезающего ныне алеутского языка на о. Беринга.

Сотрудники Сектора палеоазиатских языков наряду с теоретическими исследованиями в области эскимосско-алеутского языкознания проводят практическую работу по созданию учебников, словарей, методических пособий и литературы для внеклассного чтения в эскимосских школах. В качестве авторов школьных учебников выступают ныне также учителя эскимосских школ, хорошо владеющие родным языком. Все эти мероприятия способствуют выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера».

В связи с тем, что изучение эскимосско-алеутских языков непосредственным образом связано с историей материальной и духовной культуры их носителей, с проблемами их этногенеза, наши лингвистические исследования в этой области и впредь будут тесно увязываться с данными археологии, этнографии и памятников устного художественного творчества эскимосско-алеутов, извлекаемыми как из полевых материалов, так и из результатов исследований по смежным гуманитарным наукам — археологии, этнографии, социолингвистики и фольклористики.

В целях координации сопоставительных исследований в области эскимосских языков юпик и инупик, а также алеутского языка было бы целесообразно установить более тесные научные контакты между советскими и зарубежными лингвистическими институтами и отдельными специалистами, чем это имеет место в настоящее время. Обмен опытом исследований и материалами явился бы ощутимым вкладом в развивающуюся эскимосско-алеутское языкознание.

1. *Black R. F., Laughlin W. S.* Reports. Anangule: A geological interpretation of the oldest archeological site in the Aleutians.— *Science*, 1964, v. 143, № 3612, p. 1321—1322.
2. *Laughlin W. S.* Ruman Migration and Permanent Occupation in the Bering Sea Area.— In: *The Bering Land Bridge*. Ed. by Hopkins D. M. Stanford, 1967.
3. *Лафлин В. С., Окладников А. П.* Совместные исследования американских и советских археологов на Анангуле (Алеутские о-ва, Аляска).— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
4. *Файнберг В. С.* Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971, с. 7—29.
5. *Дяпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975, с. 8—21.
6. *Алексеева Т. И., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове.— В кн.: На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983.
7. *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1979.
8. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутские языки.— В кн.: Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
9. *Миллер В. Ф.* Об эскимосских наречиях Анадырского округа.— *Живая старина*, 1897, вып. II, год 7-й.
10. Материалы по наречиям инородцев Анадырского округа, собранные Н. Л. Гондатти.— *Живая старина*, 1897, вып. II.
11. *Богораз В. Г.* Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949.
12. *Меновщиков Г. А., Вахтин Н.* Эскимосский язык. Л., 1983, с. 16—20.
13. *Меновщиков Г. А.* Язык сиренинских эскимосов. М.— Л., 1964.
14. *Меновщиков Г. А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I. М.— Л., 1962; Ч. II. М.— Л., 1967.
15. *Меновщиков Г. А.* Язык науканских эскимосов. Л., 1975.
16. *Меновщиков Г. А.* Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980.
17. *Иохельсон В. И.* Унанганский (алеутский) язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.— Л., 1934.
18. *Иохельсон В. И.* Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка.— *Изв. АН*, 1912, № 17.
19. *Krauss M. E.* Preliminary catalogue of Eskimo and Aleut memorials. Alaska native language center. University of Alaska, Fairbanks, 1983.
20. *Bergsland K.* Aleut dialects of Atka and Attu. Philadelphia, 1959.
21. *Bergsland K.* Atkan Aleut-English dictionary. Anchorage, Alaska, 1980.
22. *Bergsland K.* Atkan Aleut school grammar. Anchorage, Alaska, 1981.
23. *Меновщиков Г. А.* Алеутский язык.— В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.
24. *Меновщиков Г. А.* Алеутско-русский словарь.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1977.
25. *Асиновский А. С., Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Этнолингвистическое описание Командорских островов.— *ВЯ*, 1983, № 6.
26. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям.— *ВЯ*, 1974, № 1.
27. *Вениаминов И. Е.* Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.
28. *Вениаминов И. Е.* Замечания о колошенском и кадьянском языках и отчасти о прочих российско-американских. СПб., 1846.
29. *Меновщиков Г. А.* И. Е. Вениаминов как лингвист.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
30. *Egede P.* Dictionarium Grönländica-Danico-Latinum. Hafnia, 1750.
31. *Egede P.* Grammatica Grönländica-Danico-Latina. Hauniae, 1760.
32. *Fabricius O.* Forsøeg til en forbedret grønlandske Ordbog. København, 1804.
33. Эргативная конструкция предложения в языках различного типа. М., 1950.
34. *Мещанинов И. И.* Проблемы развития языка. Л., 1975.
35. *Рубцова Е. С.* Эскимосско-русский словарь. М., 1971.
36. *Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.— Л., 1964.
37. *Емельянова Н. М.* Классы глаголов в эскимосском языке. Л., 1982.